

ЖЕРТВА ДВУХ ДИКТАТУР

30 октября -
День памяти жертв
политических
репрессий

**ЕГО ПАМЯТЬ СОХРАНИЛА
МЕЛЬЧАЙШИЕ
ПОДРОБНОСТИ ТЕХ ЛЕТ**

**Толкайте в навозную жижу,
Кормите отбросами дня.
Но если я сам не унижусь,
Никто не унижит меня.**

Г. Тёмин



Плакат времён Великой Отечественной войны

Истина гласит: времена не выбирают, в них живут и умирают. Целые десятилетия отделяют нас от трагических событий Великой Отечественной войны. Уходят последние свидетели тех дней, хранящих свою память о войне. Я подчёркиваю: свою память. В. Астафьев в своих воспоминаниях о войне, писал, что у каждого осталась своя правда о войне. Война глазами солдата, глазами генерала, вдовы, партийного чиновника, военнопленного - эта разная ступень трагизма, ответственности, участия.

Изучая историю Великой Отечественной войны, её героические и трагические уроки, нельзя не заметить, что в отечественных учебниках истории недостаточно освещена, а порой и отсутствует тема судьбы миллионов советских оstarбайтеров и военнопленных - тех, кто не по своей воле оказался в Германии во время войны. Чудом оставшись в живых и вернувшись на Родину, они не нашли понимания среди соотечественников. Страна встретила своих сынов и дочерей подозрительно, сначала пропустив через сети НКВД, а затем, после фильтрации, забыла о них вообще. Бесправные, с «несмыслем пятном» в своей биографии, они устраивали свою жизнь, как могли. В обиде на всех и вся, многие уезжали из родных мест - в Сибирь, на Север, мотались по стране, бежали от властей, а порой от самих себя. После крушения тоталитарного режима и распада СССР последовали бурные десятилетия переоценки ценностей, пришло время собирать камни. Именно потому мы открываем и эту страницу истории Великой Отечественной войны, которая долго была закрыта, а если и перелистывалась, то под бдительным оком Коммунистической партии. Известно, коль нет судьбы человеческой, нет и судьбы народной. На примере жизни своего односельчанина ТИШАЕВА Филиппа Павловича я хочу раскрыть человеческую трагедию тех, кто оказался в тисках тоталитарного режима, стал одновременно жертвой двух диктатур. По злой иронии судьбы Тишаев Ф.П. с 1942 по 1945 г. находился в Германии сначала в качестве оstarбайтера, а затем военнопленного.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Положение на внутреннем германском трудовом фронте летом 1941 года складывалось не лучшим образом. Управление Военной экономики докладывало о 800-тысячной «дыре» в трудовом балансе. Заполнить эти бреши должны были оstarбайтеры - гражданские лица, завербованные на оккупированной территории. 24 февраля 1942 года вышло первое распоряжение: доставить 380 тыс. рабочих рук в возрасте от 16 до 55 лет для сельского хозяйства и 247 тыс. - для промышленности. Вербовка и отправка в Германию в большинстве случаев проходила драматически, а то и трагически. Многие были оповещены всего за несколько часов, часто застигали врасплох, во время организованных облав. Затем в товарных вагонах, где была ужасная скученность, скудная пища или полное её отсутствие на протяжении всего пути - на запад. К 1 августа 1942 года в рейх были доставлены уже 1 миллион 120 тыс. человек. Куда же их везли, грязных и голодных? Чаще всего в один из гигантских распределительных лагерей, как правило, расположенных на территории Польши или Австрии. Новоприбывших подвергали дезинфекции и санобработке (во многих лагерях свирепствовал тиф, в некоторых был объявлен карантин): наголо стригли, прожаривали одежду и личные вещи, обрабатывали кожу, а заодно снимали отпечатки пальцев. Немецкие инстанции разделяли своих рабов по национальной принадлежности. Русские, французы, поляки, голландцы содержались в отдельных лагерях. Однако «честь» быть помеченными особыми опознавательными знаками, нашивками, помимо евреев, удостоили только поляков и оstarбайтеров. Сколько же людей было депортировано в Германию за военные годы? В обвинительном заключении Нюрнбергского процесса по делу главных немецких военных преступников указывалось, что из Советского Союза германские оккупационные власти принудительно вывезли 4978735 человек гражданского населения. Эти сведения в дальнейшем корректировались, но несущественно. Большая часть советских людей (не менее трёх из пяти!) оказалась в западных частях Германии, оккупированных затем Англией и США. Вопрос о возвращении в СССР для многих из них был очень тяжёлым и мучительным.

Наши беседы с Ф.П. Тишаевым проходили осенью 2001 года, незадолго до обострения тяжёлой болезни. Глядя на этого седовласого, энергичного и обаятельного человека, трудно представить, что перед тобой бывший узник концлагеря. Но вникая постепенно в историю его жизни, начинаешь понимать, что именно такие люди и могут выжить в невероятно тяжёлых условиях. После всех испытаний, которые уготовила ему судьба, Филипп Павлович сохранил бодрость духа, не обомылся и не замкнулся в себе. Рассказывая о пережитом, он волнуется, горячится, много курит, его память сохранила мельчайшие подробности тех лет. В редком доме в Турке не бывал Филипп Павлович, после войны он освоил ремесло печника, и лучшие печи в посёлке сложены его руками. Последние годы его жизни были омрачены тяжёлой болезнью, после ампутации обеих ног он был обречён на невыносимые страдания. Умер Филипп Павлович 20 декабря 2002 года, оставив добрую память о себе. А также остались его воспоминания, воспоминания человека, чья судьба была опалена войной...

КАК ЭТО БЫЛО, РАССКАЗ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

«Я, Тишаев Филипп Павлович, родился 17 ноября 1924 года в Харьковской области в г. Чугуев, в многодетной семье. Когда началась война, все мы оказались в прифронтовой полосе, отца призвали в действующую армию. Мне было тогда 17 лет, и военкомат направил в военно-пожарную охрану, что рядом с госпиталем, там я находился до июня 1942 года. Когда немцы прорвали фронт на харьковском направлении, то все мы оказались в окружении, наши армии были разбиты, а гражданское население бежало кто куда. Только осенью добрался до Чугуева, в основном шёл ногами. Дома уже хозяйничали оккупационные власти, на следующий день после моего прихода явился полицией и увёл меня в комендатуру. Там держали 3 дня, допрашивали, затем отравили на работу, на строительство моста, а через неделю тот же полицией сказал мне, что я поеду работать в Германию, списки уже составлены и я туда включён. Буквально на следующий день нас погрузили в товарняк. Было это в октябре 1942 года, а доехали мы только через месяц. Из еды давали хлеб и воду.

Я хорошо запомнил место, где нас высадили, это был город Ведель, здесь нас сортировали целый месяц, после чего отправили на работы. Нас поселили на окраине города в бывших свинарниках. Нам сменили одежду, на всех одели повязки «ост». С этого момента я стал оstarбайтером (восточным рабочим). Мы строили жилые здания, выполняли тяжёлую физическую работу, каждое утро нас увозили на грузовиках на работу и привозили вечером на место. Помещение, где мы жили, охраняли эсесовцы. Питание было скудное: утром - эрзац-кофе и кусок хлеба, вечером - баланда, давали табак. 1 раз за 2 года выдали в конверте деньги.

Я провёл здесь два года, с октября 1942 по январь 1944, но один случай изменил мою жизнь в худшую сторону. Однажды мы со своим напарником грузили кабель на железной дороге, у напарника вся шея была в фурункулах, он ей не мог шевелить, а мастер немец всё его подгонял, ругался, ударил прямо по большому месту. Тот закричал от боли, я не выдержал, заступился за напарника и ударил немца. Тут же меня забрали эсесовцы, несколько дней держали в каком-то изоляторе, били, затем отправили в тюрьму. Там я пробыл недолго, из этой тюрьмы тоже набирали на работу и один немец меня забрал к себе, но я решил бежать. От своих земляков я слышал, что союзники находятся близко, чуть западнее г. Кельн, они принимают наших военнопленных и оstarбайтеров под защиту.

Я стал пробираться туда, днём прятался, ночью ехал по железной дороге в товарняках. Наконец добрался до Кельна, получается, я несколько месяцев странствовал, голодал, конечно, но надеялся на скорое освобождение. Мне не повезло. Здесь же, на вокзале, был схвачен немецким патрулем. И опять тюрьма, допросы, избиения. В промежутке между допросами заставляли чистить пол кремом. Пробыл я здесь неделю, мне предъявили обвинение в диверсии, отсюда был переведён в штрафлагерь г. Гамбург, меня и ещё трёх женщин в наручниках повезли на поезде в Ноегаммер, что в 12-15 км от Гамбурга.

Ноегаммер - концлагерь, в котором мне суждено было пробыть с мая 1944 по 8 мая 1945 г. По прибытию в лагерь меня отправили в баню, выстригли центральную часть головы, это у них называлось - автобан. Мой номер был 71711, я запомнил его на всю жизнь. Начало дня было таким: подъём в

5 часов утра, вставали, заправляли постель, здесь же завтракали, на утро 100 г хлеба и стакан кофе, потом нас гнали на построение. Эсесовец отдавал команду: «Стройся, береты снять!». Он проверил головы, пострижено или нет. Затем под конвоем шли на работу, на горный рудник. Моя бригада работала на опрокидывании вагонеток и разравнивании переработанных пород. Когда начинало темнеть, работы прекращались и нас гнали в барак, где ждала баланда и 100 г хлеба. Работали мы в двух местах, в Ноегаммере и Людвигшлёце. Большая скученность, вши, ни бани, ни стирки, я весь год в одном и том же проходил.

От голода люди ели всё, не брезговали трупами, в конце войны их уже не хоронили, негде было, а просто складывали здесь же, на территории лагеря. Замеченных в труподстве наказывали, выводили перед строем и забивали палками. Немцы издевались над голодными заключёнными, бывало, подзывают к столовой, а потом избивают, как воров. Я однажды тоже вот так попался, да успел убежать, а остальных тут же забили насмерть. Немудрено было забить насмерть заключённого, одного удара было достаточно для измождённого человека. Я не могу назвать точную цифру, сколько здесь было заключённых, примерно тысячи три - четыре, люди разных национальностей. Помню, что голландцам и другим приходили посылки из Красного Креста, а русским - ничего. Почему я выжил? Сам не знаю, наверное, потому что был молод, хотел жить, а может, судьба моя такая - жить долго и мучиться».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

4 октября 1944 года Совнарком СССР принял решение о возвращении советских граждан на родину. Методы и приёмы репатриации подчас напоминали методы немецкой вербовки. Такие же комиссии, грозные объявления на столбах, форменная охота на человеческий материал. Вот такую, например, листовку - приказ союзного военного командования «О мерах дальнейшей репатриации советских граждан» - можно было прочесть едва ли не на каждом столбе или заборе послевоенной Германии:

«1. Каждый советский гражданин из числа гражданских и бывших в плененных, которые ещё не находятся в установленных в официальном порядке сборных пунктах для советских граждан, в кратчайший срок, не позднее 20 августа 1945 года, должен уведомить о себе ближайшему сборному пункту для советских граждан.

2. После 10 августа 1945 года прекращается пребывание советских граждан на каких-либо производственных или в каких-либо работодателях, запрещается обеспечение питанием и проживанием вне сборных пунктов во всех местах.

3. Это указание относится ко всем советским гражданам, которые были интернированы или вывезены Германией со времени с 22 июня 1941 года.

4. Лица, не выполняющие этого распоряжения, подлежат аресту и обвинению».

Интересы СССР и союзников странным образом переплелись и совпали. СССР хотел заполучить, а западные страны как можно скорее избавиться от миллионов людей, которых им приходилось кормить, поить, обувать, одевать, даже охранять или, точнее, от которых им нередко приходилось охранять местное население, ибо дисциплины в лагерях для перемещённых лиц не было никакой.

Дорога домой тоже примечательна своей до оскомины знакомостью: 3-4 недели в телячьих вагонах, по 40 человек в каждом, без права контактов с вольным населением, зато неограниченно - с вошью, а рацион - 500 г хлеба, 10-15 г сахара, 0,15 г масла, порция рыбы, вода.

Какова была судьба репатриантов по их возвращении на Родину? По результатам государственной «проверки» и фильтрации репатриантов (по состоянию на 1 марта 1946 года), из общего числа 4199488 человек было отпущено по домам 57,8 %, призвано в армию 19,1 %, зачислено в рабочие батальоны НКВД 14,5 %, передано в распоряжение НКВД 6,5 %, находилось на сборно-пересыльных пунктах или использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей 2,1 %.

Из воспоминаний Ф.Н. Тишаева: «Война шла к концу. Наш лагерь оказался на американской территории, союзники уже разделили Германию. Американцы, освободив нас, сказали: «Вы свободны!». Неподдалёку стоял эшелон с продуктами, видимо, для военнопленных. Я взял там булку хлеба и маргарин и пошёл в лагерь поесть, точнее, «похватать». От такого обилия пищи мне стало плохо, я еле отошёл, валялся несколько дней, маялся животом, американцы проводили меня и других до советских машин, и нас повезли в один лагерь, куда свозили всех. Я думал, нас отпустят, но не тут-то было. В лагере представители контрразведки разъяснили нам, что мы погоним скот из Германии в СССР, а они нас будут сопровождать. Так и шли, всю весну и лето. Когда переходили через р. Одер, то увидели жуткую картину: трупы плавали в воде, валялись на берегу, никто не убирал. Дошли до местечка Дойчлау. Здесь стояли до осени, пока не приехали из Москвы НКВД-шники. Нас разделили, одна партия пошла на Украину, другая, где был я, - на Москву. На Белорусском вокзале нас повели в комендатуру. Стоим, по очереди заходим. Захожу я, полковник начал на меня орать: «Этот точно был в РОА у Власова». Я отказываюсь, а он и слушать не хочет, потом посмотрел на мою руку с номером и сказал: «Пойдём в лагерь». А я ему в ответ: «Мне всё равно». Так и думал, что запрут куда-нибудь на Колыму. Но нас поселили в бараке на ул. Огарева, 2. Работали мы на строительстве здания НКВД до 1946 года, затем - на складе. Я ждал хоть какой-то документ или заключение по моему делу, но никому ничего не давали. Народ потихоньку разбегался, я тоже подался из Москвы, но домой не поехал, могли задержать там. Уехал в г. Ухта, что в Коми АССР, здесь получил свой первый паспорт, женился, а в конце 1959 года переехал на постоянное место жительства в Бурятия, в п. Турка».

Все эти годы до самой смерти Филипп Павлович не считался участником войны, никаких льгот не имел. Когда в начале 90-х годов вышел указ президента РФ №1235, обращался в различные инстанции по своему вопросу, но так и ничего не добился, чиновники требовали различные бумаги, а где их взять, когда и родных уже не осталось, а с одной ногой в Харькове не наездишь, да и не на что. До последнего дня Филипп Павлович ждал и надеялся, что справедливость восторжествует, в архивах КГБ «выкопают» его дело. Не дождался...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судьба перемещённых лиц и узников концлагерей во Второй Мировой войне - печальный и серьёзный вопрос, требующий обстоятельного и внимательного изучения. Точка ещё не поставлена, и скромная исследовательская работа лишь частично открывает завесу одного из чудовищных последствий войны. Все те, кто оказался в Германии не по своей воле, испытал не только физические страдания, но и моральные.

Всем была известна точка зрения И.В. Сталина, высказанная в начале войны: «СССР не знает узников концлагерей, он знает лишь мёртвых и предателей». Драматические события, связанные с его собственным сыном Яковом Джугашвили, дочками и тысячами неизвестных ему людей на страдания и смерть. Диктаторские режимы Германии и СССР имели много общего, но самый важный объединяющий фактор - это положение человека в обществе, когда он чувствует себя беспомощной песчинкой в страшном круговороте событий. Жертвами двух диктатур оказались не только русские, но и немцы, поляки, прибалты и другие народы. Дольше всех в тисках тоталитарного режима находился советский народ, и до сих пор мы окончательно не избавились от этого жуткого наследия. Первый шаг на пути к примирению и признанию своей вины в этом вопросе сделала Германия, которая приняла решение отдать долги жертвам фашизма, выплатив компенсации тем, кто был депортирован в Германию во время войны.

Мы надеемся, что этот долг будет возвращён и нашему односельчанину Филиппу Павловичу Тишаеву, только увы... посмертно.

Наталья ФИЛАТОВА,
учитель истории Туркинской школы.